

РГБ 04

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

На правах рукописи

МОСЯКОВ Дмитрий Валентинович

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ
РАЗВИТИЕ КАМБОДЖИ (XX век)
ДЕРЕВНЯ И ВЛАСТЬ**

Специальность—07. 00. 03—всеобщая история
(новое и новейшее время)

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва — 1993

Работа выполнена в Ордена Трудового Красного Знамени
Институте востоковедения РАН.

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук Ли В. Ф.

доктор исторических наук Тюрин В. А.

доктор исторических наук Гаврилов Ю. Н.

Ведущая организация — Институт стран Азии и Африки
при МГУ им. М. В. Ломоносова.

Защита состоится « 28 » февраля 1994 г. на
заседании Специализированного совета по историческим нау-
кам (Д.003.01.02) Института востоковедения РАН по адресу:
Москва, Рождественка, 12.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке
Института востоковедения РАН.

Автореферат разослан « 19 » января 1994 г.

Ученый секретарь
специализированного совета
по историческим наукам ИВ РАН
Д. И. И.

Б. Г. Сейранян

Институт востоковедения РАН, 1993

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Тема исследования и ее актуальность. Настоящее исследование рассматривает социально-политическое развитие Камбоджи на протяжении XX века как последовательную смену макроструктур — вполне конкретных социально-экономических и политических моделей организации кхмерского общества. Такие модели являются по своей сути как совокупностью исторически сложившихся форм совместной деятельности людей, так и в более узком смысле исторически определенным типом социальных отношений. Их комплексное исследование открывает перед нами намного больше, чем прежде, возможности и в описании политической истории стран Востока, и в анализе экономических и социальных процессов. Это положение особенно справедливо в отношении Камбоджи, ибо макроструктурный анализ позволяет по-новому взглянуть на ее политическую историю как историю аграрного общества, а на развитие этого общества — как эволюцию присущих ему аграрных отношений.

Анализируя социально-экономические и политические процессы, протекавшие в Камбодже в рассмотренный в работе период времени, следует обратить внимание на такую чрезвычайно важную и характерную для Камбоджи особенность: несмотря на частые смены различных по своему характеру моделей организации общества и хозяйства в стране так и не удалось создать социально и экономически равновесную систему, то есть такую систему, которая, как представляется, должна гарантировать, с одной стороны, политическую стабильность, а с другой — экономический рост и процветание. Строительство именно такой системы, мало зависящей от характера находящихся у власти политических сил, ибо равновесная система сама формирует присущую ей политическую реальность, можно полагать ныне как главную цель, к которой должно стремиться общество в своем развитии.

Совершенно очевидно, что создание такой равновесной модели в практических условиях дело малореальное и невозможное,

существовать такая абстрактная модель может лишь в нашем воображении как некий идеал, к которому необходимо стремиться. Но даже простое приближение к этой модели — воссоздание в практической реальности ее основных элементов и, в частности, саморегулирующейся в значительной мере товарной рыночной экономики с относительно стабильным и предсказуемым политическим режимом, который обладает мощными "обратными" связями, — позволяет обществу вступить в период мира и процветания. При этом большого значения не имеет характер политического режима, он может быть и демократическим, и авторитарным, главное здесь — сохранение внутренних пропорций, синхронная эволюция экономического и политического блоков, их приспособление и адекватный ответ на развивающуюся во многом стихийно объективную реальность. Пропорциональность и синхронность выступает как две глубинные качественные характеристики, присущие равновесной системе. Поэтому на разных этапах истории она может выступать в разных, так сказать, "ипостасях", зависящих в первую очередь от конкретного уровня развития производительных сил. Несомненно одно: базовые элементы, из которых, собственно, и состоит любая социально-экономическая и политическая модель (уровень и характер производства и потребления, характер землевладения и землепользования, качество и эффективность аппарата управления, объединяющая их система налогообложения и т.д.), должны соответствовать друг другу, дополнять друг друга и изменяться с определенной последовательностью.

Момент изменения внутреннего развития — ключевой вопрос любой равновесной системы. От того, как и каким образом вытесняется накопленный к изменению материал, зависит все ее существование. Реальная угроза разрушения возникает тогда, когда изменение элементов, либо какого-либо одного элемента равновесной модели, происходит спонтанно, связи между экономическим и политическим блоками резко ослабевают либо вообще рвутся. Когда такое происходит, общество вступает в период социальных катаклизмов, главный смысл которых состоит в том, чтобы восстановить утраченное равновесие. В поиске нового равновесия происходит подчас тотальное разрушение большого числа элементов предыдущей системы. Этот процесс разрушения, через который, кстати, прошли и Камбоджа, выглядит с этой точки зре-

ния вполне по-марксистски закономерным: возникающая стихийно новая реальность вступает в противоречие с еще оставшимися элементами старой системы, и без их разрушения и удаления новое равновесие в обществе установиться никак не сможет.

Анализируя основные факторы, определяющие судьбу равновесной системы и связанного с ней общества, нельзя не отметить огромную роль субъективного фактора — характера политики правящей в данном обществе политической элиты. Когда неравновесие в обществе достигает опасной черты, а расстиковка элементов системы становится очевидной, именно от готовности правящей элиты к переменам зависит глубина и масштабы социального катаклизма. Либо он будет протекать как цепь длительных и последовательных реформ, направленных на достижение утраченного равновесия, либо эту же роль выполнит разрушительная социальная революция, способная, как известно, буквально снести всю вопиющую в глубокий кризис систему.

Несомненно, что во всех рассуждениях о характере равновесной модели присутствует большая абстракция и схематизма. В реальной жизни "чистой" равновесной или неравновесной модели, которую можно определить как определенное переходное состояние общества в поисках нового равновесия, просто не бывает. Но автор заведомо пошел на определенную долю абстракции, чтобы выделить из всего многообразия действительности ключевые, главные моменты, определяющие внутренний механизм развития социально-экономических и политических моделей.

В Камбодже главная причина неравновесия, несомненно, лежала в сфере аграрных отношений. Именно здесь создавалась основная часть национального продукта и была занята подавляющая часть населения. В этой же сфере, в рамках исторически определенных производственных отношений в сельском хозяйстве и связанных с ними системы землевладения и землепользования, все время накапливались внутренние противоречия, характер которых определял весь ход и направление социально-экономических процессов в стране. Можно сказать, что для Камбоджи эволюция аграрных отношений являлась по сути эволюцией социально-экономических и политических моделей. Ведь именно господствующий тип аграрных отношений собственно и определял ту или иную конкретную модель.

На протяжении столетия Камбоджа прошла через четыре основные социально-экономические и политические модели: традиционную, основанную на устойчивых, регламентированных, закреплённых в многовековой практике, обычном праве и сознании крестьян общественных отношениях, которые, "как правило, носят императивный характер и находятся вне критического осмысления индивида, входящего в общность"¹; колониальную, или как её более точно называют натурально-товарную, когда крестьянское хозяйство остаётся на натуральном и полунатуральном уровне, а изымаемый средствами внеэкономического принуждения (ростовщиками, перекупщиками и т.д.) произведённый прибавочный, а подчас и необходимый, продукт превращается в товар лишь только в фазе потребления (у ростовщиков), а не в фазе производства (у крестьян); бестоварную и переходную, которые неразрывно связаны со всей эпохой "коммунистического эксперимента" в стране. При этом, бестоварная модель соответствует высшей стадии процессов коммунизации, когда противоположение капиталу достигает своего пика, общество чрезвычайно упрощается, товарно-денежные отношения, впрочем как и простейший обмен товарами, полностью исчезают, а государство приобретает чисто тоталитарный репрессивно-распределительный характер.

Что же касается переходной модели, то она соответствует всему этапу нисходящей фазы "коммунистического эксперимента", когда абсолютное противоположение капиталу сменяется постепенным допущением товарных отношений в различные сферы экономики, когда вслед за этим начинается и закономерный политический дрейф режима от тоталитарной к авторитарной системе, общество вновь обретает социальную многослойность и в конце концов возвращается к полномасштабному рынку и товарному хозяйству.

Исходя из всего вышесказанного, тему данного исследования можно сформулировать, как выявление на примере Камбоджи основных закономерностей развития и характерных черт трёх универсальных социально-экономических и политических моделей устройства общества: натурально-товарной, бестоварной и переходной. Автор специально выделяет именно эти три модели, ибо традиционная модель не является основным предметом исследования.

¹ Зарубежный Восток и современность. Т. 2. М., 1980, с.123.

Актуальность выбранной темы исследования определяется с одной стороны тем, что проблематика работы тесно связана с возможностью более точных оценок и прогноза процесса мирного урегулирования в Камбодже, а с другой – с существенными вопросами научного анализа основных факторов развития современных восточных обществ.

Все три изучаемые в работе социально-экономические и политические модели организации общества и хозяйства (натурально-товарная, бестоварная и переходная) в той или иной форме встречаются в большинстве стран Востока. Опираясь на проведенные исследования, становится возможным глубже понять особенности развития этих стран, особенно на макроструктурном уровне, выявить внутренние механизмы эволюции и на этой основе с большей долей вероятности прогнозировать направления развития социально-экономических и политических процессов в них в настоящем и будущем.

Нельзя не сказать, что для анализа внутренних структур, связей и механизмов развития вышеуказанных моделей Камбоджа представляется в полном смысле уникальным полигоном. В этой стране эти модели выступали, так сказать, в "чистом" виде, и это особенно относится к бестоварной модели, ибо нигде в мире противоположение капиталу и степень глубины и законченности "коммунистического эксперимента" не были такими полными, как в Камбодже в период правления режима "красных кхмеров". Не меньший интерес может вызвать и анализ натурально-товарной модели, ибо ее крушение в Камбодже, обернувшееся полномасштабной гражданской войной, ставит на повестку дня выяснение причин этого крушения. Почему в одних случаях страны с примерно одинаковыми условиями и уровнем развития переходят от натурально-товарной модели к развитым товарным формам, а в других – они заходят в тупик, за которым маячит тень неизбежной гражданской войны? Важно определить ключевое политическое решение, которое либо открывает дорогу вперед, либо сваливает общество в пропасть социальных катаклизмов.

Злободневным выглядит и анализ переходной модели, то есть социально-экономической и политической системы, характерной для последнего этапа "коммунистического эксперимента", когда идет распад бестоварной модели и, в обществе сосуществуют как элементы старой, так и новой посткоммунистической реальности.

При описании этой модели важными и очень актуальными выглядят ответы на вопросы, связанные с закономерностями эволюции переходной модели, основными этапами и движущими силами этого процесса.

Научная новизна исследования. До настоящего времени ни отечественное, ни зарубежное кхмероведение не располагает монографическим исследованием, в котором бы камбоджийская история в XX веке рассматривалась бы с точки зрения макроструктурного анализа, соединяющего теснейшим образом социально-экономическую и политическую сферы. На основании такого подхода и привлечения массы нового документально-фактологического материала, впервые вводимого в научный оборот, по-новому раскрывается и основная проблематика, и этапы камбоджийской истории в рассматриваемый хронологический период времени.

Выводы работы, касающиеся эволюции камбоджийского общества в период французского колониализма, периода независимого развития, связанного с правлением Н.Спанука и Лон Нола (1953-1975 гг.), причин, приведших Камбоджу к разрушительной социальной революции и "коммунистическому эксперименту" и его последующему краху, носят во многом новаторский характер, существенно расширяют наши знания о камбоджийской истории XX века. Эти же выводы имеют и более общий, не только кхмероведческий характер, но позволяют в целом по-новому взглянуть на проблематику современной эволюции восточных обществ.

Цели и задачи исследования. Основные цели данного исследования заключались в следующем: а) выявить определяющую роль аграрных отношений в формировании, внутренней эволюции и механизме функционирования социально-экономических и политических моделей, через которые прошло камбоджийское общество; б) по-новому, по сравнению с отечественными и зарубежными исследователями, осмыслить и описать камбоджийскую историю как историю закономерно сменявших друг друга различных, в первую очередь, по природе аграрных отношений, социально-экономических и политических моделей; в) проанализировать общее и особенное, содержащееся в камбоджийском историческом опыте, то есть общие закономерности, которые как бы объединяют Камбоджу с другими развивавшимися странами Востока, и те черты, которые были характерны лишь для организации общества и управ-

ления этой страной; г) показать и проанализировать основные факторы, определявшие направление развития камбоджийского общества, место и роль национальной бюрократии в этом процессе.

Историография. Общий объем информации по исследуемой проблематике довольно велик, поэтому историографический раздел строится по проблемному принципу. Первая часть - документальные материалы и монографии, посвященные целостному анализу исторического процесса в Камбодже конца XIX и в XX веке (классические работы таких выдающихся историков доколониальной Камбоджи, как А.Леклер, Е.Зимонье, Г.Масперо; современные западные исследователи истории Камбоджи А.Дофин-Менье, М.Осборн, Д.Чандлер, А.Форест, Б.Кьернан, Ж.Лакутэр и др.; отечественные авторы Ю.П.Дементьев, Л.Д.Спекторов, Н.Н.Бектемирова, Е.В.Кобелев, И.Г.Косиков и др.).

Вторая часть - работы, обращенные непосредственно к кхмерской деревне и аграрной проблематике (исследования Л.Тиши, Р.Моризона, Ж.Делвера и монографии по общей аграрной проблематике как западных Н.Лонга и Дж.Скотта, так и отечественных ученых Л.Б.Алаева, Ю.Г.Александрова, А.В.Гордона, А.С.Мугрузина, С.А.Панарина, В.И.Растяникова и др.).

Третья часть - монографии, использованные при выработке общей политологической концепции исследования (работы западных авторов Д.Битхема, М.Бейонджера, Д.Лейна, К.Лефорта, С.Малот и др., а также отечественных исследователей В.Ф.Ли, А.М.Мигранина, С.П.Перегудова, М.А.Чешкова, подробно рассматривавших феномен бюрократии в тоталитарном обществе в ходе известной дискуссии, развернувшейся в 1989 г. на страницах журнала "Мировая экономика и международные отношения" (№ 2-7, 1989 г.).

Значительное место в работе занимали источники на кхмерском языке. Среди них работы идеологов Камбоджийской Компартии 60-х годов Ху Юна, Ху Нима и Кхлеу Самфана, официальные документы правительств Сянука, Лон Нола и особенно периода Демократической Кампучии (материалы четырехлетнего плана социально-экономического развития) и Народной Республики Кампучии (документы трибунала над "красными кхмерами", ежегодные отчеты министерств и ведомств). Чрезвычайно существенную роль при написании работы сыграл и анализ кхмерской прессы (особенно при подготовке последнего раздела работы), позволивший учесть уникальную по своей ценности информацию.

Практическая ценность работы определяется актуальностью темы, остротой исследуемых проблем. Представляется, что анализ социально-политического развития Камбоджи в XX веке может иметь практическое значение в нескольких аспектах: при разработке российской политики в отношении проблем камбоджийского урегулирования; при разработке проблем развития других стран Востока с точки зрения использованного в настоящем исследовании метода макроструктурного анализа и обоснования конкретных моделей развития; при разработке общих и специальных курсов лекций и учебных пособий по новой и новейшей истории Камбоджи, а также для подготовки камбоджийских студентов и аспирантов, обучающихся в вузах России.

Апробация работы. Диссертация выполнена в Отделе Юго-Восточной Азии Института востоковедения РАН, здесь же обсуждена и рекомендована к защите. Диссертация является итогом многолетней работы автора в области изучения проблем развития Камбоджи в XX веке, в частности, процессов, приведших к смене одной формы организации общества и хозяйства к другой.

Некоторые положения диссертации прошли апробацию в форме публикаций, докладов на ситуационных анализах, симпозиумах, межинститутских и международных конференциях. Частично результаты исследований автора получили апробацию в разработках для практических организаций.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертация состоит из Введения, четырех глав, Заключения и Библиографии.

Во Введении обоснована актуальность темы, изложены цели и задачи исследования, концепция работы, степень изученности проблематики, дан краткий анализ использованной литературы.

Глава I - "Традиционная модель организации аграрного общества в Камбодже". Это глава вводная, цель которой адекватно исторической реальности и последовательно изложить механизм действия традиционной или, как ее еще называют, доколониальной модели, показать как бы фундамент, с которого началась современная история аграрного общества в Камбодже. Традиционная модель в этой стране характеризовалась устойчивой внутренней иерархией правящей элиты, стабильностью ее политического гос-

подства, основывавшегося на традиционном праве. Пассивное в политическом плане, технически отсталое кхмерское крестьянство, значительная часть которого находилась в состоянии личной зависимости от чиновников и феодалов, мощней, разветвленный бюрократический аппарат, существовавший в стране, внешне могут создать впечатление внутреннего равновесия внутри кхмерского общества. Но проведенный анализ показывает, что это обманчивое впечатление, ибо при всей своей внешней стабильности традиционная система, по крайней мере к середине XIX века, обладала явно минусовым для Камбоджи вектором развития. Лежавший в ее основе сложный и малоэффективный механизм изъятия прибавочного, а часто и необходимого продукта у крестьян, практически ничем не контролируемое господство бюрократии вели к распаду базовых для кхмерского общества социальных групп, таких как свободное крестьянство, сокращению объема пахотных земель, уменьшению общей численности населения, фактически к саморазрушению государства.

Попытки короля-реформатора Анг Дуонга реформировать основополагающие элементы традиционных отношений в Камбодже — всевластие и бесконтрольность государственной бюрократии, налоговый беспредел, — ограничить развивавшееся рабство, защитить земельно-владельческие права непосредственных производителей особого успеха не принесли. К моменту установления французского протектората в Камбодже (1861 г.) страна оставалась архаичным восточным обществом, где традиционная система аграрных отношений находилась в глубоком кризисе, а неравновесность в рамках этого общества достигала опасной для внутренней стабильности черты.

Глава II — "Натурально-товарная система аграрных отношений: зарождение, особенности эволюции, причины кризиса и краха".

Натурально-товарная система установилась в стране постепенно, в рамках растянувшихся на несколько десятилетий реформ, проведенных французской администрацией после установления протектората Франции над Камбоджей. В рамках проведенных реформ были коренным образом реформированы отношения собственности, после ликвидации рабовладения удалось сделать то, что не сумел сделать король-реформатор Анг Дуонг — воссоздать многочисленный слой лично свободных мелких и средних собственников в деревне, сократить и перестроить весь управленческий аппарат,

эффективность которого стала существенно более высокой.

Более того, в результате установления новой социально-экономической и политической модели появился, если так можно сказать, "экономический механизм" заселения и освоения кхмерскими крестьянами ранее заброшенных районов своей страны. Но даже при всех этих переменах внутреннего равновесия в кхмерское общество натурально-товарная система не принесла. В ее рамках происходило ассимметричное включение крестьян в развивающуюся рыночную экономику. Получилось так, что крестьянский продукт превращался в товар лишь после того, как он у крестьян отчуждался без их ведома и какого-либо влияния на воспроизводственный процесс внутри крестьянского хозяйства. В результате действия "механизма" натурально-товарной системы основная масса крестьянских хозяйств попала в полную зависимость от ростовщического капитала, который откровенно обирал полунатуральные хозяйства, товарищуя рис не на уровне воспроизводства, а на уровне распределения. Подобное положение изначально предопределило очевидное неравенство натурально-товарной системы, ибо внутреннее напряжение, социальные антагонизмы оказывались ей имманентно присущими.

До определенного времени эти противоречия скрадывались наличием в стране ряда факторов, способствовавших временной стабилизации системы. В первую очередь речь идет об имевшемся значительном фонде свободных и относительно плодородных пахотных земель, на которых могли разместиться тысячи безземельных и малоземельных крестьян, буквально витализируемых "механизмом" натурально-товарной системы из традиционных сельскохозяйственных районов. Второй момент состоял в том, что режим французского протектората являлся несомненно "сильным" политическим режимом с достаточно эффективным аппаратом управления, способным как решительно подавлять любой протест кхмерских масс, так и четко отслеживать и контролировать социально-экономические процессы в стране. Деятельность ростовщического капитала находилась под плотным контролем, режим регулировал "сверху" нормы ростовщического процента, а когда задолженность крестьян резко возрастала и социальное напряжение в деревне особенно усиливалось, принимал обычно решение об отмене всех крестьянских долгов.

В целом же несомненный синтез традиционных, восходящих к доколониальной Камбодже и новых, привнесенных в результате ус-

тановлении французского протектората, рыночных элементов являлся наиболее существенной чертой натурально-товарной системы. В результате подобного "наложения" сложился синтезированный тип аграрной структуры, который характеризовался растущими диспропорциями в землевладении. Крестьянское сообщество во все большей мере цезинтегрировалось, его бывшее единство, основанное на эгалитаристском контроле над неравенством, было нарушено и сменено дифференциацией нового типа, когда крестьянство попало в новый тип зависимости, основанный на внеэкономическом принуждении посредством ростовщиков и разного рода перекупщиков.

Сложившийся синтез был, как говорится, "по определению", неустойчив и обладал выраженным качеством переходности. Весь вопрос заключался лишь в том, в каком направлении будет развиваться эта переходность. Один вариант подразумевал, что натурально-товарная система постепенно будет перерастать в товарную, внутренняя асимметрия будет исчезать, а крестьянское хозяйство во все большей степени будет товарным, ориентированным на рынок. Суть другого варианта состояла в том, что развитие товарных форм в сельском хозяйстве будет происходить крайне медленно, с большими трудностями и препятствиями, произойдет как бы "консервация" полностью зависящих от ростовщиков натуральных и полунатуральных крестьянских хозяйств. В этом случае асимметрия натурально-товарной системы резко бы возрастала, и социальный взрыв с непредсказуемыми последствиями мог бы стать очень вероятным.

К несчастью для миллионов камбоджийцев реальным для страны оказался именно второй вариант. С большой долей определенности сейчас можно сказать, что огромную роль именно в этом выборе сыграл субъективный фактор, а именно политический курс правившей в стране элиты.

После достижения независимости и перехода власти в руки камбоджийской администрации изначально закомбинанная в натурально-товарную систему внутренняя несбалансированность приняла большие масштабы. В период правления Сианука управление системой, планирование возможных социальных столкновений и предотвращение их путем либо административного, либо фискального контроля - все это было фактически потеряно. Вместо реальной

политики сменявшие друг друга откровенно "слабые" правительства хватались за любые популистские меры, лишь бы сохранить свою популярность в народе.

Беспомощная и бессистемная политика камбоджийского руководства, продолжавшаяся в течение многих лет, стала главной причиной того, что классическая триада, свойственная свободной форме разложения крестьянства в условиях развития товарных отношений в деревне: мелкое натуральное хозяйство - мелкотоварное хозяйство - разложение последнего на базе закона стоимости (с выделением наемных сельскохозяйственных рабочих и крупных землевладельцев) в конкретных условиях Камбоджи так и не осуществилась. Страна именно в эти годы встала на путь так называемого двухэтапного перехода, при котором мелкий натуральный производитель эволюционирует в паупера, а воспроизводственный процесс мелкого хозяйства не проходит стадии товаризации. Происходившая в Камбодже пауперизация крестьянства была на деле разорением мелкого производителя на натуральной и полунатуральной основе.

Этот процесс обезземеливания и пауперизации тысяч крестьян усугублялся истощением к концу 60-х годов основного фонда удобных к новому освоению пахотных земель, бесконтрольностью деятельности ростовщического капитала и связанного с этим, заметного по сравнению с колониальным периодом усиления ростовщического гнета, невиданной коррупцией, охватившей весь управленческий аппарат.

Развивавшаяся коррупция резко снизила эффективность всей и без того сильно разбухшей по сравнению с колониальным периодом системы управления, фактически парализовала реализацию многих государственных программ. Но фатальная ошибка правительства, сыгравшая во многом роковую роль в крушении натурально-товарной системы, заключалась в том, что контролировавший всю финансовую систему страны китайский ростовщический капитал был фактически исключен из числа возможных "спонсоров" камбоджийской деревни. Боязнь, "что китайцы скулят всю землю", чисто популистская политика "защиты мелкого камбоджийского производителя" стала основой длительной кампании общенациональной борьбы с ростовщиками, в ходе которой им было запрещено самим, либо через посредников приобретать землю и круп-

ную собственность в кхмерской деревне. Все это вызвало мощный отток ростовщического капитала из страны, когда деньги, полученные в результате эксплуатации камбоджийского крестьянства, не возвращались обратно в деревню в виде крупных капиталовложений в собственность, либо в пахотную землю, а переводились в банки Сайгона, Сингапура или Гонконга. Без притока капитала извне, а страна в силу чисто политико-идеологических соображений отказалась еще и от чрезвычайно ценной американской помощи, земельные отношения окончательно потеряли внутреннюю динамику развития, усилилась эксплуатация мелких производителей, с особой силой проявились наиболее малоэффективные элементы натурально-товарной системы. В стране фактически действовал закон экстенсивного увеличения прибавочного труда, когда интенсивно потреблялась лишь рабочая сила производителя, тогда как применение орудийного труда ограничивалось лишь рядом совершенно необходимых элементов (семена, плуг, рабочий скот).

Усиление ростовщического гнета и увеличение внешнеэкономического избытка продуктов крестьянского производства без последующей трансформации господствовавшей в стране системы издольной аренды в капиталистическое производство означало "нарушение органической взаимосвязанности стадий единого социально-экономического процесса, их разрыв"¹.

Этот, вызванный во многом чисто субъективными факторами, разрыв стадийного процесса означал для Камбоджи очевидный системный тупик, когда асимметрия и внутренние противоречия натурально-товарной системы достигли такой стадии, при которой разрушительная социальная революция стала неизбежной. Фатальные ошибки правившей в Камбодже элиты, оказавшейся неспособной сформулировать программу выхода страны из тяжелого кризиса, открыли перед коммунистами огромные возможности. В том вакууме идей, который реально существовал в Камбодже, их стандартно коммунистическая программа строительства нового коммунистического общества, предусматривавшая индустриализацию, коллективизацию, культурную революцию при ведущей роли коммунистической партии, совершенно неожиданно оказалась привлекательной не только для беднейших слоев населения, видевших только в революции возможность улучшить свое социально-эконо-

¹ Зарубежный Восток и современность. Т. 2. М., 1980, с. 45. 13

мическое и политическое положение, но и для части национальной интеллигенции, верившей в возможность построения на базе коммунистической утопии справедливого и сильного общества. В социальной революции и в последующем строительстве новой "справедливой и стабильной социально-экономической и политической системы" многие представители интеллигенции видели единственный выход из тяжелейшей ситуации, обремененной социальной напряженностью и внутренними конфликтами.

Если абстрагироваться от иных факторов, то вообще можно сказать, что главным импульсом социальной революции в Камбодже был поиск обществом новой равновесной модели, в которой большинство элементов предыдущей модели, вызывавших неравенство, а значит и неравновесие, вообще бы не существовали. Во многом именно поэтому социальная революция в Камбодже и получила такой размах и глубину.

Глава III - "Бестоварная система аграрных отношений: развитие и крах". Продуктами социальной революции, разразившейся в Камбодже, стали невиданная по своей законченности в мировой истории так называемая "чистая" бестоварная экономическая модель и соответствовавший ей тоталитарно-коммунистический политический режим. Можно сказать также, что социальная революция в Камбодже в своем развитии фактически полностью совпадала с посюдащей фазой "коммунистического эксперимента", а кульминацией и этой революции, и всего этого "эксперимента" стало образование совершенно новой по своему качеству и составленным элементам модели. В ее рамках были ликвидированы не только деньги, запрещалась даже торговля и самый примитивный товарообмен. Да все это и без официальных запретов представлялось невозможным, ибо построенная "красными кхмерами" система потону и была бестоварной, что люди в ней перестали быть собственниками не только земли, домов и инвентаря, но даже самих простых и необходимых вещей. Все, что производилось на полях, отбиралось до последнего зернышка, централизовалось, а затем по заранее определенным минимальным нормам отпускалось на пропитание крестьянам-производителям.

Уничтожение товарно-денежных отношений, введение системы прямого изъятия и распределения знаменовало собой попытку установления равновесия в обществе на самом примитивном уровне.

на основе простых и понятных формул, а в некотором роде изначально и буквальное толкование и следование марксистскому тезису о том, что именно торговля и товарно-денежные отношения ведут к социальному неравенству в обществе.

Аграрные отношения в деревне претерпели коренные по сравнению с натурально-товарной системой изменения. Крестьяне были лишены права распоряжаться собственным урожаем, потеряли право собственности на землю, а в социальном плане оказались согнанными в так называемые производственные бригады, превратившиеся в главную производительную силу тоталитарно-коммунистического режима.

Совершенно очевидно, что выбор именно этой формы организации труда был не случаен. В любых кооперативах, даже с высоким уровнем обобществления, не достигалось полного противоположения капиталу, а ведь именно по такой линии, как мы выяснили, и развивалась социальная революция в Камбодже. В кооперативах сохранялись возможности натурального обмена, приусадебные участки, отдельное питание и проживание крестьянских семей, в общем все, что подлежало ликвидации при строительстве "чистой" бестоварной модели. Бригада же, в которой человек превращался в функцию, члену которой, питавшейся сообще, получали свой рацион в зависимости от объема проделанной работы, оказались универсальным средством массового принуждения к труду.

Реорганизация кхмерского аграрного общества на основе бригад являлась лишь одним из принципов, положенных в основу социального каркаса бестоварной модели. Другим принципом стала стратификация всего общества на противостоящие друг другу группы, создававшиеся по так называемому "классовому" принципу: наиболее бедные слои, считавшиеся опорой режима, получили значительные привилегии, а зажиточные и практически все представители городского населения зачислились в нижнюю страту, никаких привилегий не имевших.

Но главным принципом внутренней организации бестоварной модели был массовый террор и связанный с ним страх, который стал определять всю психологическую атмосферу кхмерского общества. Из приведенного исследования следует, что формула страха — это формула устойчивости и бестоварной экономической

модели, и тоталитарно-коммунистического режима. Чем меньше уровень страха, тем слабее позиции этой модели, ибо при отсутствии реальных стимулов к труду и без непосредственной угрозы своей жизни производители стремятся свести свое производство к минимуму. И, наоборот, тотальный страх за свою жизнь превращается в реальный стимул к труду и резко увеличивает возможности бестоварной модели к выживанию.

Рассматривая основные элементы, составлявшие структуру бестоварной модели, нельзя не остановиться более подробно на еще одном ключевом принципе — принципе "опоры на собственные силы" (ក្នុង លក្ខណៈ ខ្លួន ឯង), являвшимся фактически всеобщим принципом системы, внедренным практически во все сферы жизни камбоджийского общества. Подобный же принцип активно использовался, как известно, в политической практике многих коммунистических партий, находившихся у власти, причем его влияние достигало своего апогея именно в восходящей фазе "коммунистического эксперимента", когда противоположение коммунистического режима товарным, рыночным формам достигает своего максимума. В это время "принцип опоры на собственные силы" пропагандировался обычно как определяющий всю внешнюю и внутреннюю политику того или иного коммунистического правительства.

Надо прямо сказать, что во многих случаях подобные установки не были примитивной пропагандой, а действительно соответствовали характеру и мироощущению восходящих коммунистических режимов. Ведь в период максимального противопоставления бестоварных форм товарным, а тоталитаризма — представительной демократии, значение политики "опоры на собственные силы" для самоутверждения и самосохранения таких режимов было очень велико. Такая политика как бы соединяла откровенный национализм и реально существовавший социально-экономический строй, выполняла функцию такого моста между политикой и экономикой в рамках бестоварной системы.

Кроме этого тот же принцип обосновывал необходимость и возможность автаркии, полного разрыва связей с внешними рынками, ибо создавал иллюзию, что именно так бестоварная система сможет успешно противостоять товарным формам. Принцип автаркии, нашедший свое полное выражение в политике "красных кхмеров", также можно отнести к числу основных элементов, составлявших

ядро бестоварной системы.

Главным и единственным рычагом, приводившим в движение весь искусственно сконструированный механизм бестоварной модели, было ничем не прикрытое насилие. "Красные кхмеры" и особенно их руководство свято верили во всеисильность насилия, в то, что всемерно укрепляя репрессивный режим, можно добиться выполнения любых, даже самых фантастических и нереальных целей. Такое убеждение есть основа любого тоталитаризма, оно как бы соединяет в идейном плане бестоварную модель и репрессивный с мощным аппаратом насилия политический режим.

В этом смысле проанализированный в работе камбоджийский опыт выступает как лишнее доказательство объективного и неизбежного характера насилия и террора, их неразрывную связь с самой природой коммунистического тоталитарного режима. До сих пор приходится иногда слышать, что массовый террор, развязанный в Камбодже, был инспирирован и осуществлен в силу "кровавости" и личного "экстремизма" главных руководителей. Утверждают, что будь, например, на месте Пол Пота кто-то другой, более умеренный, репрессий и террора удалось бы избежать. Но все дело в том, что, как свидетельствует наш анализ, никакого "умеренного" лидера у власти в восходящей фазе коммунистического эксперимента быть просто не могло, ибо весь ход событий определялся внутренней логикой развития социальной революции и противопоставления капиталу. А в рамках этой логики насилие и террор — важнейшие составляющие "чистой" бестоварной модели, ключевые факторы, действующие практически на всем временном протяжении восходящего развития коммунистического эксперимента. Противник насилия немедленно превращался в противника системы, где принцип революционной целесообразности полностью вытесняет из общества законность и моральные нормы, а террор становится универсальным ответом правящего режима на любые вызовы и изменения.

Анализируя общий характер коммунистического террора, можно легко отметить существование двух, если так можно сказать, подтипов этого явления, каждый из которых соответствует определенной стадии восходящего развития "коммунистического эксперимента". Массовый террор против общества достигает своего пика на начальной и последующих стадиях, когда режим, испол-

зую свой аппарат насилия, пытается втиснуть все многообразие общественных отношений в прокрустово ложе бестоварной модели. Террор же внутри правящей коммунистической верхушки, как свидетельствует камбоджийский и не только камбоджийский опыт, возникает в момент кульминации и социальной революции, и всей восходящей фазы "коммунистического эксперимента", когда противоположение капиталу достигает своего абсолюта. Режим начал уничтожать сам себя только после того, как искомая "чистая" бестоварная модель превратилась в единственную и господствующую.

Именно в этот момент возникает внутренний надлом коммунистического строительства в целом, ибо выясняется, что несмотря на то, что долго вынашиваемая модель превратилась наконец в реальность, никакого внутреннего равновесия и "сияющих" высот общество так и не достигло, что все поступательное развитие вперед оказалось не больше, чем иллюзией и что никакого "чудесного скачка" к процветанию достигнуть не удалось. В Камбодже, например, попытки хозяйственного освоения земель в джунглях, масштабные ирригационные работы, наконец, амбициозный "четырёхлетний план" привели лишь к огромным человеческим жертвам, а результатов, сравнимых с затраченными усилиями, не дали. Более того, построенная в лучших догматических традициях казарменного коммунизма "чистая" бестоварная модель не только не оказалась ключом к экономическому развитию страны, но была неспособна даже обеспечивать продовольствием по минимальным нормам население Камбоджи.

Причины экономических провалов были объявлены в официальной пропаганде режима следствием деятельности многочисленных предателей, вредителей и шпионов, проникших на самые ответственные партийные посты. Практически в Камбодже в 1976-1977 гг. был вплоть до мелочей повторен опыт внутрипартийных репрессий, развертывавшихся ранее в других странах, шедших по пути "коммунистического эксперимента".

Можно сказать, что террор в верхушке правившей в стране иерархии носил объективный характер и являлся в некотором смысле самозащитой системы, обреченной на историческое поражение. Ведь крах полпотовского "большого скачка вперед", как впрочем и всех иных коммунистических "больших скачков" в ком-

мунизм", в значительной мере коренился не столько в некомпетентности конкретного руководства, сколько в присущем любому коммунистическому тоталитаризму имманентном конфликте между требованиями эффективной и разумной экономической политики и существовавшими жесткими идеологическими и политическими принципами. Ведь во всем мире мы не найдем ни одного примера экономики, которая бы эффективно функционировала в рамках бестоварной модели и тоталитарного режима.

Совершенно очевидно, что современная эффективная экономика требует открытого характера политических и экономических институтов. В условиях же тоталитарного политического режима "возможности саморазвития и саморегуляции экономики приходят в неразрешимое противоречие с целями этого режима, стремящегося все регламентировать и определять "сверху". Этот конфликт приводит к тому, что "политические институты деформируют функционирование экономического механизма, приспособливают его к интересам сохранения всевластия государства. А это влечет за собой деформацию всех сфер жизни общества"¹.

Из всего вышесказанного следует, что эффективной экономика в рамках бестоварной модели быть просто не может по определению. Своим рождением эта экономика обязана не реальной жизни, а некоей умозрительной схеме, поэтому историческое поражение бестоварной экономики было неизбежным. Следовательно, все, что мы воспринимаем и анализируем, как ошибки конкретной политики, тактики или стратегии, на деле же есть не более чем реализовавшееся на практике объективное следствие общего характера политической, идеологической и экономической природы режима, подобного полновластному. Получается, что при полном противополжении товарным формам и капиталу в рамках возведенной искусственно бестоварной экономической модели и выросшем на ее основе тоталитаризме целого ряда решающих ошибок, а точнее преступных деяний, типа насильственной коллективизации, политического террора и репрессий, натравливания одной части народа на другую, определивших в конечном итоге историческое поражение коммунистических систем, избежать было нельзя. Эти "ошибки", как показывает исторический опыт, имманентно присущи лю-

¹ Мигранян А.М. Обоснованные и необоснованные исторические параллели. "МЭ и МО". 1989, № 7, с.82.

бому типу "коммунистического эксперимента".

Подводя некоторые итоги нашего анализа бестоварной системы, можно с большой долей уверенности заявить, что она являлась не просто последовательным и радикальным отрицанием капитала, но абсолютным ему противоположением. Именно противоположение капиталу и стало тем генетическим принципом, который лег в основание нового политического и экономического строя. Результатом строительства нового общества по принципу "зеркального отражения" стало возникновение в Камбодже еще менее устойчивой и более асимметричной, чем натурально-товарная система, социальной и экономической модели, удерживавшейся в равновесии лишь благодаря жестокому и последовательному террору населения страны. Можно сказать, что бестоварная система, несмотря на всю свою внешнюю простоту и упорядоченность, сокращала все качества системы синтезированной и обладала мощным потенциалом переходности и нестабильности. Это стало особенно очевидно в момент перехода власти от одной группы коммунистов к другой, когда вся "революция", привнесенная на броне вьетнамских танков, происходила в рамках одной и той же идеологической и социально-экономической доктрины.

Когда вьетнамское вторжение уничтожило в январе 1979 г. "сильный" коммунистический режим и установило вместо него "слабый" политический режим той же направленности, непрерывность господства бестоварной модели и в будущем сомнений, казалось, не вызвала, ибо декларируемые цели и тех, и других правителей были примерно одинаковы. Однако, как только выяснилось, что "слабый" политический режим, установленный вьетнамцами, оказался не в состоянии полностью восстановить и воспроизвести всю схему элементов, образовывавших бестоварную модель, ее абсолютному господству быстро пришел конец.

Слабость нового режима состояла в том, что он: а) потерял реальный контроль над аграрным производством и распределением, ибо новый аппарат тоталитарного насилия по своей мощи далеко уступал старому и уже был неспособен отбирать у крестьян весь выращенный ими рис; б) лишился реального контроля за передвижением товаров через государственные границы. Из двух этих вышеприведенных особенностей нового режима следует, что с экономической точки зрения в стране сложилась совершенно убийствен-

ная для господства бестоварной экономической модели ситуация, когда, пусть и примитивный, товарообмен начинает неумолимо вытеснять жесткий государственный контроль и централизованное распределение продовольствия. В стране стихийно начали развиваться товарные отношения, появились первые импровизированные рынки, где главной меновой стоимостью являлся рис.

Но главное, в чем заключалась "слабость" нового коммунистического режима, было то, что он потерял, если так можно сказать, монополию на страх, карательные органы хотя и были воссозданы, но их сил было явно недостаточно, чтобы вновь сгустить атмосферу тотального страха в стране.

Вообще, если посмотреть внимательно на нерешительность и неуверенность новых властей в восстановлении господства "чистой" бестоварной системы, очевидную кратковременность и вялость их попыток восстановить посредством новой коллективизации контроль режима над аграрным производством и распределением, отсутствие воли и желания к проведению жестких террористических кампаний против всех, кто своей деятельностью нарушал "чистоту" бестоварной модели, то нельзя не прийти к выводу, что вьетнамское вторжение и последовавший вслед за ним политический переворот как бы резко и одновременно сменили фазу развития "коммунистического эксперимента" в стране. Восходящая активно агрессивная линия на тотальный коллективизм и полное отрицание любых товарных форм сменилась на все более усиливавшийся обратный откат к допущению существования товарных и рыночных форм. Идеологический надлом, главной чертой которого является все более расширяющаяся пропасть между коммунистической риторикой и реальной политикой, направленной на допущение материальных стимулов и рыночных отношений, стал в Камбодже свершившимся фактом, на длительный период определил особенности развития страны.

Введение новым коммунистическим режимом национальной денежной единицы, открытие национального банка Камбоджи (здание которого в свое время было взорвано "красными кхмерами", которые таким образом показывали свою "окончательную" победу над товарно-денежными отношениями) стало фактически признанием новых властей в невозможности восстановить господство бестоварной модели в ее наиболее "чистых" формах. Начиная с этого вре-

мени, эта модель прекращает свое отдельное существование, теряет господствующее монопольное положение и выступает уже как часть новой реальности: так называемой "переходной" экономической модели, в рамках которой как бы сосуществуют и борются элементы бестоварной и товарной экономических систем.

Глава IV - "Переходная модель экономического и социально-политического развития (1980-1991 гг.)".

По своему характеру переходная модель существенно отличалась от всех иных рассмотренных выше моделей. В ней и в экономической, и в политической, и в социальной жизни общества сочетались элементы коммунистических структур, продолжавших отстаивать путь развития на принципах "чистой" бестоварной экономики и тоталитаризма, и структур, выступавших за свободное предпринимательство, рынок и политический либерализм. Такое противостояние превращало переходную модель в пороховую бочку, резко обостряло существовавшие конфликты и общую асимметрию в обществе, что в любой момент грозило новым социальным катаклизмом.

Начальную фазу переходной экономической модели можно назвать "инкубационной", ибо в это время основные противоречия, присущие ей, развивались как бы подспудно под жестким прессом традиционно антирыночной коммунистической политики. Полностью уничтожить эти отношения режим, как уже отмечалось, был неспособен, но существенно затормозить их развитие, загнать их фактически на полуполюгальное положение возможности у него были. Более того, внешне в этот период идеи уравнительности и коллективизма, необходимости массового обобществления, активно пропагандируемые и внедряемые правящим режимом, выглядели доминирующими.

Особенно наглядно проявилось это в аграрной сфере, где на начальной стадии "инкубационной фазы" коммунистический режим находился как бы в наступлении, пытаясь вновь установить тотальный контроль над производством и распределением риса. Имманентно присущую переходной модели внутреннюю асимметрию и неравновесие он пытался решить путем массовой коллективизации и обобществления, насаждения в деревне так называемых групп трудовой солидарности (ГТС), объявляя такие группы коллективного труда и уравнительного распределения "плацдармом

социализма в деревне". Таким образом, после короткого периода освобождения крестьян от полпотовских больших бригад, их вновь попытались заставить трудиться совместно, а полученный урожай делить уравнилельно по числу едоков в семье.

Однако быстро выяснилось, что взятый новым коммунистическим руководством курс фактически подрывает сами основы его власти. После обобществительных кампаний и без того невысокие темпы роста сельскохозяйственного производства резко сократились. Режим оказался в безвыходном положении, когда возможности продолжать насквозь идеологизированную аграрную политику, углублять разного рода обобществительные эксперименты стало просто самоубийственно, ибо в стране, как и в самые худшие полпотовские времена, вновь возникла угроза массового голода и общей стагнации экономики. Ситуация осложнялась еще и тем, что несмотря на все попытки руководства НРПК "закреть" границы для товарных потоков, восстановить контроль над производством и распределением сельскохозяйственной продукции, наконец возродить "сильный" репрессивный аппарат, добиться этого оно так и не смогло. Поэтому выйти из экономического тупика "инъекцией страха", путем нагнетания репрессий и массового террора против всех потенциальных противников режим оказался не в состоянии.

По-видимому, в этом и состояла главная причина того, что в экономически тупиковой ситуации был выбран не путь репрессий, а путь повышения эффективности экономики на основе определенного компромисса с товарными и рыночными структурами, которые, несмотря на все преследования, заметно укрепились. Так, были созданы предпосылки для начала новой фазы - фазы равновесия или компромисса, когда правящий коммунистический режим разрабатывает разного рода компромиссные социально-экономические программы, призванные соединить централизованный контроль над экономикой, развитие на основе плана с конкуренцией и рынком.

В результате проведенного исследования мы выяснили, что "фаза компромисса" характеризуется рядом характерных черт:

а) расхождение слова и дела в политике правящего режима. В его практической политике - резкий шаг в сторону товарных отношений и частнособственнического крестьянского хозяйства.

В официальных же документах утверждения о неизбежности новой коллективизации, преимуществе коллективного труда над частным. В реальной практике роспуск ГТС уравнительного распределения и коллективного труда, попытки найти компромисс между жестким административным контролем и отдельным крестьянским хозяйствованием в рамках так называемых ГТС-2 - групп, в которых крестьяне самостоятельно вели свое хозяйство и объединялись уже лишь при выполнении наиболее трудоемких видов сельскохозяйственных работ (как правило, в период посадки и уборки риса). В официальной пропаганде в это же самое время - гневная отповедь любым попыткам восстановления отдельного крестьянского хозяйства;

б) выход социально-экономических процессов из-под жесткого административного контроля, начало стихийного формирования новой экономической реальности. Формировалась эта реальность при открытом противодействии наиболее консервативной части коммунистической бюрократии, но и при поддержке ее прагматического крыла и быстро охватила все сферы аграрной экономики. Так, в сфере землевладения и землепользования все больший размах стала принимать запрещенная, но реально существовавшая купля-продажа земли. Переход земельных наделов в постоянное пользование семей, распад коллективистских ГТС открыли возможности не только для купли-продажи земли, но и для возрождения исполной аренды. Официально все это преследовалось еще по закону, но реально все эти процессы развивались по нарастающей.

Вместе с куплей-продажей земли, исполной арендой, арендой тяглового скота стало возрождаться и ростовщичество, фактически стихийно, на фоне общего отката последних попыток коллективизации, в кхмерской деревне вновь возникла натурально-товарная система. В "фазе компромисса" она еще не стала господствующей, еще только ломала сопротивление последних остатков бестоварной экономики, вроде обязательных по фиксированию низким ценам госпоставок или так называемого патристического вклада;

в) "фаза компромисса" характеризовалась и глубокими изменениями в социальной организации кхмерского аграрного общества. На волне стихийно развивавшихся рыночных отношений начался интенсивный процесс социального расслоения еще недавно кол-

лективистски уравнилельской кхмерской деревни, появился многочисленный слой зажиточных крестьян-кхмеров, основу которого составили представители сельской элиты коллективистского периода (главы ГТС, их заместители, представители сельской администрации и т.д.), то есть те, кто в период коллективных ГТС сумел присвоить себе их так называемые "общественные фонды", либо просто использовал свою власть в целях личного обогащения. Эти преуспевавшие слои кхмерской деревни имели свой тягловый скот, полный набор необходимых орудий труда, иногда даже насосы для ирригации. Все это они сдавали в аренду своим более бедным односельчанам под довольно высокие проценты и таким путем постепенно накапливали свое богатство.

Социальное расслоение в деревне сопровождалось и быстрым оформлением в Камбодже национального "демократического капитала", который стихийно рос в стране на базе элементарного накопительства и мелкого предпринимательства. В городах "демократический капитал" развивался особенно быстро, пополнялся динамичными мелкими предпринимателями, расширявшими свое производство. Зажиточные крестьяне, в деятельности которых ростовщические операции получали все большее значение, мелкие предприниматели вместе с преуспевающими торговцами и перекупщиками составили класс "новых богатых", уровень жизни и потребления которого существенно отличался от среднекамбоджийского. В этот же класс интегрирующей частью вошли и чиновники партийно-государственной иерархии, причем наибольшую выгоду стали получать те, кто непосредственно, либо через родственников, участвовали в только появившихся еще полуделегальных смешанных торговых государственно-частных кампаниях.

Таким образом, в стране появилась небюрократическая (опиравшаяся на частный капитал) политическая элита, которая посредством связанных с ней людей в руководстве НРПК стала оказывать все более сильное политическое влияние на социально-экономический и политический курс страны.

г) Существенным же итогом "фазы компромисса" стало оформление в стране основных структур натурально-товарной модели и возникновение в связи с этим жесткой и последовательной логики развития экономических, политических и социальных процессов в стране.

"Фаза компромисса" в Камбодже на рубеже 90-х годов сменялась последней фазой переходной модели - рыночной. Ее основной отличительной чертой можно считать положение, когда стихийно развивавшиеся рыночные структуры окончательно превращаются в господствующие, и правящий коммунистический режим эволюционирует таким образом, что начинает выражать интересы этих структур. В это время можно сказать, что бывшая "коммунистическая" бюрократия начинает официально открешиваться от всей своей предидущей антирыночной и антитоварной политики, отменяет решения предшествующих пленумов ЦК партии, направленных на коллективизм и уравнительность, провозглашает "священное право" частной собственности на землю, открывает и полностью легализует частную торговлю и предпринимательство, начинает процесс приватизации еще оставшейся госсобственности.

В "рыночной фазе" серьезные трансформации претерпевает и традиционный для коммунистической номенклатуры механизм самоорганизации и господства. Внутренняя иерархия и тотальный контроль по всем трем осям - собственности, власти и управлению, на которых собственно и зиждилась власть бюрократии, оказались сильно поколебленными. Развивавшееся общество, формировавшееся в условиях экономической свободы влиятельные социальные слои в буквальном смысле подрывали тоталитарную однопартийную систему, отбирали власть у коммунистической номенклатуры. Именно в "рыночной фазе" начался развал системы монопольной власти коммунистической партии. Новые социальные группы, самоутверждаясь на политической арене, все более настойчиво отстаивали свои специфические интересы. Раздробившееся на различные социальные группы однородное в прошлом общество неизбежно разрушало и однородное, занятое в прошлом лишь единственной партией, политическое пространство.

В "рыночной фазе" вслед за исчезновением последних реликтов бостоварной модели исчезает и коммунистический тоталитарный режим. Ему на смену в Камбодже пришло многопартийное общество, где бывшие коммунисты продолжают играть ведущие и ключевые роли. Подобное развитие событий было связано, в первую очередь, с тем, что прагматичная номенклатура оказалась способной на 180 градусов поменять всю систему идеологических знаков, полностью отреставрировать от коммунистичес-

кой доктрины, которую так долго отстаивала.

В Заключении суммируются выводы, указывается, что действительно эволюция аграрных отношений в Камбодже играла определяющую роль в смене одной социально-экономической и политической модели организации кхмерского общества и хозяйства на другую. Именно в аграрной сфере накапливались противоречия, которые и вызвали в конечном счете эту перемену.

В то же время чрезвычайно важную роль в этом процессе играли другие факторы: характер организации и вектор преобладающих интересов кхмерской бюрократии. Ведь именно позиция национальной бюрократии в ходе восстания 1886 г. стала решающей в деле установления совершенно определенной, устраивавшей эту бюрократию формы французского господства, так же как и ее серьезнейшие ошибки в период правления Сланука во многом способствовали скатыванию страны к гражданской войне.

Особенно важным и до последнего времени малоисследованным моментом являлось определение истинной значимости бюрократических институтов в рамках "коммунистического эксперимента" и присущих ему бастоварной и переходной моделей. Парадокс здесь состоит в том, что в рамках бастоварной модели бюрократический аппарат выступает безусловно как одна из опор тоталитарного режима, а в рамках переходной модели во многом уже как реформистская сила, заинтересованная в изменении общества и господствующих в нем отношений. В условиях Камбоджи это внутреннее противоречие проявилось особенно ярко.

Причины этого заключались, по всей видимости, как в общем характере самого "коммунистического эксперимента", когда ключевой момент в его развитии: кульминация социальной революции делит как бы надвое его историю, так и в конкретных условиях, сложившихся в Камбодже в период уже после кульминации социальной революции. Построенная в результате огромных жертв "чистая" бастоварная модель внутреннего равновесия Камбодже не принесла. В стране сохранялась напряженность, угроза нового социального взрыва. Осознание тупика, в который попала страна в результате "коммунистического эксперимента", бесперспективности продолжения строительства "идеологического" государства охватило в Камбодже прежде всего бюрократический аппарат. Наиболее здравомыслящая его часть выступила катали-

затормозили переосмысления целей и интересов правящих кругов. Они должны были состоять уже не в развитии страны по пути социальной революции и строительства "чистой" бестоварной модели, а в сохранении всеми возможными путями и компромиссами своей власти, влияния и привилегий.

Подобная направленность интересов бюрократического аппарата в постполитической Камбодже еще более усиливалась рядом субъективных факторов и, в частности, особенностями генезиса кхмерской бюрократии, которая, как мы выяснили, собственно и возглавляла переходный к рыночной экономике процесс. Особенность формирования правящей номенклатуры в Камбодже состояла в том, что традиционная для всех стран, отдавших дань коммунистической утопии, управленческая двухслойная система (партийные и параллельные им и подконтрольные государственные органы) сложилась в стране как бы наоборот: первоначально появились органы государственной власти, а лишь затем параллельные им партийные организации. Этот, казалось бы, малозначительный факт оказал тем не менее существенное влияние на весь процесс формирования и развития правящей бюрократии, ибо привел к осязаемому соперничеству между функционерами государственной и партийной управленческих структур. Таким образом, мощный слой госаппарата превратился в мощный центр деидеологизированных прагматиков, способных не только противостоять идеологизированному, но и численно и по влиянию более слабому партийному аппарату, но даже навязывать ему свои решения. Отказ от коллективизации, разрешение частной торговли и частного предпринимательства и многие другие прорыночные решения были приняты благодаря прагматикам из правительственных структур.

Другой субъективный фактор, облегчавший прорыночный курс, заключался в том, что сама Народно-революционная партия Камбоджи была по своему составу очень неоднородной и собственно идеологизированные догматики-коммунисты никогда не составляли в ней подавляющее большинство. К тому же, отсутствие монолитности в структурах правящей партии, наличие в ней противоборствующих группировок создавало объективные условия для внутренней эволюции НРПК, приспособления ее к стихийно менявшейся ситуации. Можно сказать, что потенциал переходности в самой партии был в целом адекватен потенциалу переходности в обществе.

В пользу прорывной эволюции действовал и еще один, без сомнения, чрезвычайно важный фактор, превратившийся на рубеже перехода из "инкубационной фазы" в "фазу компромисса" в чуть ли не решающий. Фактор этот можно определить как постепенное втягивание формировавшихся партийных и государственных структур НРК в систему частного предпринимательства и быстрого в связи с этим возрастания экономического богатства новой бюрократии. Процесс этот начался еще в период "второй коллективизации" и разного рода иных общеобщественных экспериментов, ведь в это время земля, рабочий скот, значительная часть средств производства превратились не просто в государственную, а в "абсолютную" государственную собственность, от распоряжения которой крестьяне были отстранены, и выполняли лишь роль послушных исполнителей "наряда", спущенного "сверху".

В такой ситуации перед новой бюрократией открылись большие возможности быстрого обогащения за счет фактического присвоения не только государственных средств, направлявшихся в аграрный сектор, но даже имущества общественных фондов, созданных в коллективистских группах совместного труда и уравнительного распределения.

Мощное прагматичное крыло, тесно связанное с "демократическим капиталом" и "новыми богатыми", сумело объединить практически весь бюрократический аппарат Камбоджи на своих позициях и интересах. Именно благодаря этому национальная бюрократия из общности "в себе" превратилась в общность "для себя" и через Народно-революционную партию Камбоджи, в которой персонифицировались ее управленческие функции, начала последовательно влиять на изменение социально-политических и экономических условий в стране.

Тем самым, в Камбодже фактически вновь возродился класс бюрократической буржуазии, игравшей такую существенную роль в механизме натурально-товарной системы. Эта бюрократическая буржуазия еще до официального признания частного предпринимательства оказалась в него втянутой и даже зависимой от результатов его деятельности. Она стала как бы частью новых, быстро формировавшихся социальных сил (торгового, "демократического капитала"), стала выражать и защищать их интересы, реформировать общество в рамках логики именно их развития.

Таким образом, сочетание объективных и субъективных факторов, равновесие в потенциалах переходности общества и правящей политической организации позволило Камбодже без серьезных социальных катаклизмов проделать весь путь нисходящего развития "коммунистического эксперимента" и вновь вернуться к несколько модифицированной натурально-товарной модели.

Возвращение страны к этой модели организации общества и хозяйства никакого спокойствия и равновесия в ближайшем будущем Камбодже гарантировать не может, ибо натурально-товарной модели имманентно присущи качества внутренней ассиметрии, неравновесности и переходности. Ныне в кхмерском обществе развивается процесс социальной дифференциации, почва для новых социальных катаклизмов не только не уменьшается, но даже возрастает за счет увеличения числа бедных и беднейших хозяйств. Именно поэтому за последнее время вновь заметно укрепилось движение "красных кхмеров" как наиболее последовательное в выражении чаяний бедных и разоряющихся крестьян, оказавшихся не готовыми к самостоятельному хозяйствованию в рамках развивающегося рынка. Все это не может не сказываться на состоянии современного кхмерского общества, углубляя его внутреннюю нестабильность, увеличивая общий потенциал переходности. Вопрос о том, сможет ли Камбоджа выйти на уровень эффективного и стабильного товарного хозяйства, до сих пор остается открытым.

Основные положения диссертации изложены в следующих опубликованных работах:

1. Кхмерские мелкобуржуазные утопии и практика полпотовского режима. Народы Азии и Африки. № 1. 1982. Объем - 0,7 п.л.
2. Проблемы развития аграрных отношений в Народной Республике Кампучии. Проблемы Дальнего Востока. № 3. 1983. Объем - 0,6 п.л.
3. Борьба за возрождение левых сил в Кампучии. - В сб.: Политические партии и революционный процесс в странах Востока. М., Наука, 1983. - Объем 1 п.л. (в соавторстве с Ю.П.Дементьевым).
4. Кампучия: особенности революционного процесса и полпотовский эксперимент. (Монография). М., Наука, 1986. Объем - 10 п.л.
5. Пути решения продовольственной проблемы в Камбодже. Проблемы Дальнего Востока. № 3. 1986. Объем - 0,6 п.л.